

Коко / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Коко / рассказ KOKO

Ферму Люкасов во всей округе называли мызой. Почему именно – этого никто не знал. У крестьян, несомненно, связывалось со словом «мыза» представление о богатстве и могуществе, так как ферма эта была бесспорно самой большой, самой зажиточной и самой благоустроенной в той местности.

Огромный двор был обсажен в пять рядов великолепными деревьями, чтобы защитить низкорослые нежные яблони от резкого ветра, дующего с долины; на дворе стояли длинные, крытые черепицей сараи для сена и амбары для зерна, прекрасные хлева из местного камня, конюшни на тридцать лошадей и красный кирпичный жилой дом, похожий на маленький замок.

Навоз лежал аккуратными кучами; сторожевые собаки жили в конурах; в высокой траве разгуливало множество птицы.

Ежедневно в полдень за длинный кухонный стол, на котором дымился суп в большой фаянсовой миске с голубыми цветочками, садилось пятнадцать человек – хозяйева, работники и служанки.

Скотина – лошади, коровы, свиньи и овцы – была жирная, холеная и чистая; кум Люкас, высокий мужчина с брюшком, трижды в день сам обходил все хозяйство, лично за всем наблюдал и обо всем заботился.

В конюшне из милосердия держали в стойле очень старую белую лошадь, которую хозяйка решила кормить до ее естественной смерти, потому что сама вырастила эту лошадь, привыкла ее видеть и связывала с нею какие-то воспоминания.

За этим инвалидом ухаживал пятнадцатилетний конюх по имени Изидор Дюваль, или попросту Зидор; зимой он давал ей положенную меру овса и сена, а летом должен был ходить по четыре раза в день на луг, где лошадь паслась на привязи, и перебивать кол, чтобы у нее всегда был в изобилии свежий подножный корм.

Расслабленное животное с трудом передвигало отяжелевшие ноги,

утолщенные в коленях и распухшие над копытами. Лохматая шерсть его, которую теперь уже не касалась скребница, напоминала седую шевелюру, а длинные-предлинные ресницы придавали глазам грустное выражение.

Когда Зидор вел лошадь на пастбище, ему приходилось тянуть ее на веревке, – так медленно она плелась; мальчишка шагал, весь изогнувшись, задыхаясь, ругал ее, и мысль о том, что ему приходится ухаживать за такою клячей, доводила его до исступления.

Работники фермы, видя, как конюх ненавидит Коко, забавлялись этим и, чтобы позлить мальчишку, вели беспрестанные разговоры о лошади Зидора. Приятели дразнили его. В деревне его прозвали «Зидор-Коко».

Парень выходил из себя, и день ото дня в нем росло желание выместить все это на лошадь. Это был худой длинноногий малый, очень грязный, с густыми, жесткими и всклокоченными рыжими вихрами. Он казался дурачком, говорил заикаясь, с невероятным трудом, словно мысли никак не могли сложиться в его невосприимчивом грубом мозгу.

Он давно уже удивлялся, зачем это держат Коко, и его возмущало, что на такое бесполезное животное зря изводят добро. Ему казалось несправедливым кормить лошадь, раз она уже не работает, ему казалось возмутительным тратить овес – такой дорогой овес – на эту параличную клячу. И часто, вопреки распоряжению кума Люкаса, он недодавал лошади часть полагающегося корма, засыпал ей только полмеры овса, выгадывал подстилку и сено. И в его смутном ребяческом сознании росла ненависть, ненависть жадного крестьянина – скрытного, жестокого, грубого и трусливого крестьянина.

Когда вернулось лето, ему снова пришлось ходить на пастбище «перебивать» клячу. Конец был далекий. Конюх, свирепея день ото дня, брел неуклюжей походкой через хлеба. Работавшие в полях люди насмешливо кричали ему:

– Эй, Зидор! Кланяйся от нас Коко!

Он ничего не отвечал, но по пути выламывал в кустах прут и, перебив колышек, выжидал, пока лошадь снова примется щипать траву; тогда, исподтишка подобравшись к ней, он начинал

хлестать ее по ногам. Животное пыталось бежать, лягаться, уклониться от ударов и, натянув веревку, кружилось, словно на беговой дорожке. А парень бежал сзади и яростно хлестал лошадь, остервенясь и стиснув от бешенства зубы.

Потом он медленно, не оборачиваясь, удалялся, а лошадь, с раздувающимися боками, задыхаясь от бега, смотрела ему вслед старческими глазами. И она до той поры не решалась наклонить к траве костлявую белую голову, пока синяя блуза парня окончательно не исчезала вдали.

Ночи стояли теплые, и Коко оставляли теперь ночевать в поле, на краю оврага, за лесом. Его навещал только Зидор.

Мальчишка забавлялся еще и тем, что кидал в лошадь камни. Он усаживался шагах в десяти от нее, на пригорке, и просиживал там с полчаса, то и дело бросая в клячу острые камни, а она стояла на привязи перед своим недругом и все смотрела на него, не смея приняться за траву, пока он не уйдет.

Но в голове конюха неизменно вертелась одна и та же мысль: «Зачем кормить лошадь, которая уже не работает?» Ему казалось, что жалкая кляча обкрадывает других, крадет людское достояние, божье добро, обкрадывает даже его самого, Зидора, а он-то ведь трудится.

В конце концов парень, перебивая колышек с веревкой, стал день ото дня уменьшать кляче площадь пастбища.

Животное голодало, худело, гибло. Слишком слабое, чтобы оборвать привязь, оно тщетно тянулось к густой глянцевиной, зеленой траве – такой близкой, что оно чувствовало ее запах, – но достать ее все же не могло.

Но вот однажды утром Зидору пришла в голову мысль вовсе не перебивать кола. Довольно походил он в такую даль ради этойдохлятины!

Но все же он пошел, чтобы насладиться своей местью. Лошадь смотрела на него с беспокойством. На этот раз он ее не бил. Он прохаживался вокруг, засунув руки в карманы. Он даже сделал вид, что хочет переменить ей место, но воткнул колышек в ту же ямку и ушел, в восторге от своей выдумки.

Лошадь, видя, что он уходит, заржала, как бы зовя его назад, но конюх бросился бежать, оставив ее одну, одну во всей

долине, крепко привязанную и без единой травинки в том месте, куда она могла дотянуться мордой.

Изголодавшись, она попыталась достать сочную зелень, которой почти касалась ноздрями. Она опустилась на колени, вытянула шею, выпятила толстые слюнявые губы. Но все было напрасно. Весь день дряхлое животное изнемогало в тщетных, в страшных усилиях. Голод терзал его и становился еще ужаснее оттого, что вокруг было так много пищи, зеленой травы, простиравшейся до самого горизонта.

В тот день конюх больше не приходил. Он шлялся по лесам, разорял птичьи гнезда.

На другой день он явился. Обессиленный Коко лежал. Увидя мальчишку, он поднялся на ноги, думая, что его, наконец, переведут на другое место.

Но парень даже не притронулся к деревянному молотку, который валялся тут же, в траве. Он подошел, посмотрел на клячу, бросил ей в морду комок земли, рассыпавшейся по белой шерсти, и ушел, посвистывая.

Лошадь стояла до тех пор, пока могла его видеть, потом, чувствуя, что ее попытки дотянуться до травы будут бесплодны, снова легла на бок и закрыла глаза.

На другой день Зидор не пришел.

Он явился через сутки и, когда приблизился к лошади, лежавшей по-прежнему, убедился, что она издохла.

Он постоял, глядя на нее, довольный успехом своей затеи и в то же время удивляясь, что все уже кончилось. Он потрогал лошадь сапогом, приподнял ей ногу, потом опустил ее, уселся на тушу и долго сидел так, уставившись взглядом в траву и ни о чем не думая.

Он вернулся на ферму, но не рассказал о случившемся, так как хотел еще пошататься в те часы, когда он обычно ходил перебивать колышки.

На другой день он навел Коко. При его приближении взлетела стая ворон. Несметный рой мух разгуливал по трупу и жужжал в воздухе.

Вернувшись, он объявил новость. Кляча была так стара, что никто не удивился. Хозяин сказал двум батракам:

– Возьмите лопаты и выroyте яму там же, на лугу.

И батраки закопали лошадь на том самом месте, где она умерла с голоду.

И, вскормленная этим бедным телом, выросла там густая, буйная ярко-зеленая трава.

* * *

Напечатано в «Голуа» 21 января 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Е.Гунст Heкаýalar